

УДК 94+ 327.51

Гриванов Р.И., Левина А.Ю., Рэй Сато Мурасе
Grivanov R.I., Levina A.YU., Reij Sato Murase

Некоторые аспекты урегулирования проблемы Северного Сахалина: анализ и возможный опыт разрешения территориальных споров в Северо-Восточной Азии

**Some aspects of the settlement of the Northern Sakhalin problem:
analysis and possible experience of resolution of territorial disputes
in Northeast Asia**

Рассматривается история возникновения территориального конфликта Японии и России периода гражданской войны и история его развития. Анализируются его причины и следствия. Фокус внимания сосредоточен на факторах, обусловивших эскалацию конфликта, и принципах, которыми стороны руководствовались на пути его разрешения.

Ключевые слова: *Россия, Япония, территориальные споры, причины и урегулирование конфликтов*

The main issue is the territorial conflict between Japan and Russia during the Civil War and the way of its resolution, causes and consequences. The authors focus on the process of clash's inception, escalation and the principles that had guided the parties in the way of its settlement.

Key words: *Russia, Japan, territorial disputes, causes and resolution of conflicts*

Благодаря своим геополитическим особенностям Дальневосточный регион является местом пересечения многих политических и экономических интересов стран Северо-Восточной Азии, России и других ведущих акторов международной политики. Для анализа потенциала развития региона, представляется необходимым понимание истории принятия политических решений, напрямую его затрагивающих и принятых непосредственно на Дальнем Востоке.

На сегодняшний день Президент и Правительство Российской Федерации уделяют особое внимание развитию дальневосточных регионов и укреплению сотрудничества с соседями по СВА. Ввиду политических осложнений в отношениях с Европой и США, данное направление внешней политики становится чрезвычайно важным. Одной из важных задач

ГРИВАНОВ Роман Игоревич, к.полит.н., доцент кафедры международного бизнеса и финансов, Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** grivanov@inbox.ru

ЛЕВИНА Анна Юрьевна, старший преподаватель кафедры искусствоведения, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (г. Санкт-Петербург). **E-mail:** demuranita@mail.ru

РЭЙ САТО МУРАСЕ, стажёр-исследователь, Университета Гакуэй (г. Токио, Япония). **E-mail:** reisatomurase@gmail.com

для российской дипломатии в регионе на текущий момент представляется урегулирование территориальных конфликтов. Как притязаний в отношении Российской Федерации, так и споров где наша сторона могла бы способствовать их скорейшему взаимовыгодному разрешению.

В качестве исторического примера приведём развитие отношений с Японией после социалистической революции в 1917 году. Отношения России и Токио продолжают оставаться весьма сложными и сейчас, поэтому анализ успешного разрешения территориального спора между ними может дать достаточно ценный материал для практического воплощения принципов взаимовыгодного сотрудничества и устойчивого развития как Дальнего Востока России, так и региона СВА в целом.

Говоря о российском Дальнем Востоке в исторической перспективе, необходимо принимать во внимание не только современные политические границы региона, но и те территории, которые в определённый период как юридически являлись частью России, так и фактически находились под российским управлением либо прямым влиянием, а также процессы, которые данным переменам способствовали. Весьма важным, с точки зрения исследования, представляется период распада Российской Империи, когда Дальний Восток декларировал определённую политическую самостоятельность, и одновременно выстраивалась новая система международных отношений, в которой новую роль обретала Советская Россия.

После событий 1917 года Советское правительство с целью получения от мирового сообщества признания себя как государства приняло дипломатический курс на сближение с ведущими иностранными державами. Не составила исключения в этом отношении и Япония. Уже в декабре 1917 года нарком иностранных дел советского правительства Г.В. Чичерин вступил в полуофициальные переговоры с японским послом в Петрограде У. Косай [5, с. 388]. В этих переговорах нарком предложил заключить соглашение относительно положения на Дальнем Востоке страны и её Тихоокеанском побережье, а также с предложением заключить новое торгово-экономическое соглашение. Однако в то время Япония не имела никаких конкретных мнений относительно необходимости развития экономического сотрудничества с Советским государством [11, с. 81].

Начавшаяся в августе 1918 года интервенция в Сибирь объединённых сил Антанты для якобы оказания помощи Чехословацкому корпусу ещё в большей мере отрицала эту необходимость. Однако в январе 1919 года кабинет министров Японии «Политическим курсом в отношении России» провозгласил поддержку Омскому правительству Колчака и потребовал предоставления нефтяных и угольных ресурсов северного Сахалина, продажи южной линии КВЖД, заключения соглашения о рыбном промысле [11, с. 81].

В январе 1920 года пало правительство Колчака в Сибири, и США заявили о выводе своих войск, в связи с выполнением ранее взятых на себя обязательств. Япония же сохранила своё военное присутствие, заявив о посылке войск в Сибирь «в целях защиты от экстремистских групп, действующих на северной границе Кореи...» [14, с. 40–56].

С провозглашением ноты американского одностороннего вывода войск из Сибири в январе 1920 г. и критикой интервенции средствами мировой массовой информации внутри самой Японии, вывод войск из Сибири стал неминуем. В сложившейся обстановке случился так называемый Николаевский инцидент.

Этот инцидент выразился в том, что занятый в сентябре 1918 г. в результате интервенции Японии и других государств Антанты г. Николаевск-на-Амуре в начале 1920 г. был окружён отрядом красных

партизан под командованием анархиста, тверского мещанина Я. И. Тряпицина [15, с. 11].

28 февраля 1920 г. командир партизанского отряда и командующий японского гарнизона в Николаевске подписали соглашение «О мире и дружбе японцев и русских», в соответствии с которым японское командование в Николаевске обязано было выполнять декларации генерал-лейтенанта Сирамидзу; белогвардейский отряд должен разоружиться с выдачей всего вооружения и снаряжения Красной Армии и т.д. [7, с. 46]. Соглашение между Исикава и Тряпицыным позволяло избежать столкновения, если обе стороны будут его выполнять. Однако под воздействием дальнейших японских провокаций началась трагедия, суть которой до настоящего времени находит противоречивые оценки.

Японский гарнизон безо всякого предупреждения, неожиданно для русских в ночь с 11 на 12 марта напал на русские силы и учреждения во многих пунктах города, открыл ружейный и пулемётный огонь. Днём 12 марта рассеянные русские силы организовались и повели контрнаступление на японцев. Главные японские силы, отступая под давлением русских с занятых позиций, стянулись к японскому консульству и каменным казармам, засели там и вели военные операции из этих пунктов, не допуская к себе русских парламентариев для переговоров о перемирии.

Как писала немного позднее в своём первом номере русскоязычная газета «Владиво-Ниппо»: «... большевики открыли огонь из орудий по японским войскам, в результате было сожжено японское консульство и в неравном бою погиб весь японский гарнизон (численность 400 человек), а из 600 японских подданных, проживающих в Николаевске-на-Амуре, осталось лишь около 100 человек. Со стороны мирного русского населения во время столкновения от рук большевиков погибло 450-500 человек. Не было пощады ни женщинам, ни старикам. Японская колония разорена и сожжена до основания» [2, 11.04.1920].

По некоторым сведениям, и само руководство красными партизанами оказалось не в состоянии контролировать ситуацию. В самые трагичные для Николаевска дни 12–14 марта 1920 г. мародёрство и преступные действия стали обыденностью. Как вспоминали сами участники, «появившиеся хунхузы и разные уголовные преступники, учтя момент, начали грабить покинутые дома, а в японских квартирах, под видом партизан, вырезали даже семьи, причём гибли не только японцы, но и русские» [8, с. 6–7].

Первые сведения о кровавых событиях в Николаевске-на-Амуре были очень противоречивыми. В Японии развернулась широкая кампания протеста. Парламент в присутствии членов императорской семьи провёл траурное заседание, принял решение о сооружении памятника «жертвам большевизма» [7, с. 349].

В ответ на события в Николаевске в ночь на 5 апреля 1920 г. японские войска внезапно, несмотря на достигнутые соглашения, атаковали партизан и воинские части в разных районах Дальнего Востока, в результате чего жертвами стали более 5 тысяч человек, в том числе и мирные жители. Партизаны повсеместно отошли в тайгу.

В мае 1920 г. из Японии в Николаевск был направлен отряд карательной экспедиции. 14 мая японцы блокировали николаевское побережье, заняли проливы Лаперуза, Татарский, все морское побережье от Охотска до Де-Кастри. Тряпицын в ответ на это расстрелял всех арестованных японцев и русских, сжёг и разрушил здания. 27 мая город был подожжён партизанами и почти полностью сгорел [7, с. 349–350]. Часть оставшихся партизан перебралась на Сахалин.

Поверенный в делах США в Японии Белл 9 июня 1920 г. телеграфировал государственному секретарю Колби, что «100 японских резидентов, оставшихся в живых во время николаевских убийств в марте, были истреблены, очевидно, около 25 мая. Нарастает общественное возмущение, раздаются требования осуществить карательные меры против партизан. В прессе высказываются предложения об оккупации Северного Сахалина в качестве гарантии возмещения ущерба, который будет взыскан после создания русского правительства, с которым будут установлены дипломатические отношения» [7, с. 350].

К 25 июня 1920 г. последние части партизан прибыли по Амгуни в Керби. А 4 июля Я.И. Тряпицын, Н.М. Лебедева и многие другие их соратники были арестованы по инициативе коммунистов. Образованный из представителей отрядов суд предъявил руководству обвинение в нарушении революционной законности: уничтожение мирного населения Сахалинской области, расстрел коммунистов, диктаторство и уклонение от основ советской власти, сожжение Николаевска, уничтожение пленных японцев. 9 июля по решению суда Тряпицын, Лебедева и другие, приговорённые к высшей мере наказания, были расстреляны [7, с. 350].

События в Николаевске на долгое время дали возможность Японии диктовать свои условия на различных переговорах, в которых новую Россию неизменно ставили в роль виновницы, а Японию – в роль безвинно пострадавшей стороны.

Средства массовой информации в Японии, сплотившись, обвинили в Николаевских событиях Советы, что вызвало всплеск антисоветских настроений. Японское правительство и военные силы воспользовались предоставленным им случаем. «Под знаменем расплаты за 700 жизней», заручившись поддержкой мировой общественности, началась оккупация Северного Сахалина, «продиктованная необходимостью защиты» [11, с. 81].

Когда японцы заняли Северный Сахалин, правительство США запросило Японию, по какому праву оккупируется северная часть Сахалина. Япония ответила, что оккупация произведена с целью предотвращения кровавых беспорядков, вроде тех, которые имели место в Николаевске [12, с. 53–54]. Но в Вашингтоне этим ответом не удовлетворились. В ноте США выражался протест против политики Японии. Особенно было отмечено, что «военная оккупация в виде репрессалий за Николаевск по правилам международного права не является законным способом действий», и США «ни теперь, ни впоследствии не могут признать основательными претензии Японии на политическую независимость и территориальную неприкосновенность России» [7, с. 352–353].

Таким образом, Япония вместо того, чтобы эвакуировать свои войска с территории России, чего с одной стороны желали США, а с другой – общественное мнение внутри Японии, оккупировала северную часть о. Сахалин. Работы, связанные с разведкой территории острова на предмет нахождения там залежей нефти и угля, уже велись, и военное министерство Японии имело прекрасное представление о тех богатствах, которыми изобиловала северная часть острова. Поэтому оккупация именно этой части российской территории имеет достаточно ясное объяснение. В эпоху всемирной борьбы за обладание нефтяными ресурсами, когда обострилась потребность промышленности, транспорта и армии в жидком топливе, когда получили большое развитие автомобильное дело, подводное плавание, воздушный флот – все это питается исключительно нефтью – Япония не могла остаться в стороне и упустить свой шанс получения столь необходимых ей ресурсов, поэтому вопрос урегулирования данного территориального конфликта был достаточно длительным.

Оккупировав Северный Сахалин, Япония приступила к эксплуатации его природных ресурсов. Особое внимание, естественно уделяется нефти. С сентября 1921 года концерн «Хокусинкай» возобновил разведочные работы и пробные заборы нефти, которые финансировались военно-морским ведомством. В 1923 году успешно завершились исследовательские работы на Охинском месторождении. Именно здесь впервые на Сахалине начались работы по добыче нефти. В 1924 году объем добытой нефти составил 13 тыс. 200 тонн, а 5 тыс. 400 тонн сырой нефти было впервые отправлено в Японию [1, с. 207].

Ситуация начала меняться только к окончанию гражданской войны в России когда Советская власть проявила себя единственной реальной властью на большей части бывшей Российской Империи, а в правительство Дальневосточной Республики фактически взяло курс на сотрудничество с Москвой. Предложение о конференции в Дайрене (26.08.1921–16.04.1922) было сделано японским консулом в Харбине 11 июля 1921 года заместителю министра иностранных дел ДВР И.С. Кожевникову [9, с. 38].

Дайренская конференция открылась 26 августа 1921 года в Даляне в здании отеля «Ямато» [2, 21.09.1921]. Вначале делегацию ДВР возглавлял министр иностранных дел И.Л. Юрин, а с 3 сентября – член Дальбюро, заместитель председателя Совета министров ДВР Ф.Н. Петров. В состав делегации входили уже упомянутый И.С. Кожевников, военный советник В. К. Блюхер, всего 6 человек. В октябре, по предложению Политбюро, Совнарком назначил для участия в Дайренской конференции в качестве наблюдателя от Советской России Ю.Ю. Мархлевского [9, с. 39]. Японскую сторону на конференции представлял начальник политического отдела штаба экспедиционного корпуса японской армии во Владивостоке Мацусима [14, с. 42–43]. Однако стороны не смогли прийти к принципиальному согласию по вопросу вывода японских войск из Северного Сахалина и, особенно, касательно «Николаевского инцидента».

20 мая 1921г., через месяц после прекращения переговоров в Дайрене, Антонов представитель «Дальта» – информационного агентства Читинского правительства ДВР, посетив Мацудайра, директора европейско-американского департамента японского министерства иностранных дел, объявил о желании Читинского правительства возобновить переговоры с японским правительством на условиях участия представителей от советского правительства и ясных указаний срока окончательной эвакуации [11, с. 89].

Чанчуньская конференция (04.09.1922–26.09.1922) открылась 4 сентября 1922 года. Со стороны РСФСР и ДВР участвовали полпред СССР в Китае А.А. Иоффе и министр иностранных дел ДВР Я. Д. Янсон, со стороны Японии директор европейско-американского департамента японского министерства иностранных дел Мацудайра и бывший японский консул в России Мацусима [12, с. 81].

Переговоры «начались требованием Японии заключить соглашение с ДВР на основе дайренского проекта, допуская представителя РСФСР в качестве «присутствующего» [4, с. 266]. Объединённая делегация РСФСР и ДВР этому воспротивилась. Таким образом, «стремление Японии иметь сепаратное соглашение с ДВР столкнулось с противодействием» [4, с. 266]. Директивы Москвы были вполне определённые: «мы предъявляем требование к Японии, а не она к нам» [4, с. 271].

19 сентября на девятом заседании Чанчуньской конференции, когда переговоры дошли до вопроса эвакуации японских войск, Мацудайра заявил о том, что «Япония намерена эвакуировать свои войска из Приморья в конце октября, из Приамурья – в конце сентября, а из Северного

Сахалина только после разрешения вопроса о николаевских событиях. Само уже разрешение этого последнего вопроса может произойти, лишь, когда Россия будет признана Японией. После заключения договора можно будет говорить об этом с Россией, но не до его заключения, так как трудно вести переговоры с непризнанной страной» [10, с. 121]. На заявление Мацудайра Иоффе неожиданно для японцев заявил, что «для российской делегации решение японского правительства не эвакуировать Сахалин является совершенно новым» [10, с. 121]. И что «при таком положении дел продолжать даже пробные переговоры» объединённая российская делегация не может и должна запросить Москву и Читу [10, с. 127].

Итак, последними вопросами, приведшими к разрыву Чанчуньской конференции, явились опять-таки Северный Сахалин и Николаевск. На Северном Сахалине положение оставалось неизменным. «Используя антипатию японского народа к Советам в отношении Николаевского инцидента, – пишет японский историк Мураками Такаси, – правительство и военные решили бездействовать под предлогом оккупации Северного Сахалина в целях самозащиты. Траты на оккупацию по сравнению с интервенцией в Сибирь большим бременем не были» [11, с. 91].

На Чанчуньской конференции представители Советской стороны вместе с протестами против оккупации Северного Сахалина ясно изложили возможность удовлетворить экономические потребности японской стороны на Северном Сахалине иными способами, например, предоставлением концессий в северной части острова. Однако японские власти не предоставили никакого ответа. Тем не менее, имело место явное желание сторон урегулировать спорные вопросы и нормализовать отношения. Возможно, в первую очередь, экономические.

Вместе с тем прилагались значительные дипломатические усилия для давления на Японию, в первую очередь, через усиление противоречий между сторонами, заинтересованными в северосахалинской нефти.

Американский исследователь Д. Стефан в своей книге писал: «Япония была не единственной страной, претендующей на сахалинскую нефть. После падения Колчака и образования Восточно-Сибирского «буферного государства» – Дальневосточной республики – искатели концессий потянулись в Читу, столицу только что образованной республики» [17, 314]. Именно концессионную деятельность, помимо торговли, правительство ДВР признавало главной формой экономического сотрудничества с США на Дальнем Востоке. В свою очередь американский капитал также проявлял заинтересованность в концессиях на Дальнем Востоке [3, с. 103]. Более того «привлечение американского капитала в целях экономического развития отдалённой области, на которую притязали японские интервенты, означало в тех условиях противопоставление американского империализма японскому» [13, с. 216].

Американская компания «Синклер ойл корпорейшн», чей глава Гарри Синклер был одним из крупнейших независимых нефтедобытчиков того периода, появляется на арене борьбы за сахалинскую нефть ещё в 1920 году с предложением к правительству ДВР о заключении соглашения о нефтяной концессии на Сахалине. Подписание соглашения между компанией «Синклер» и официальным представителем ДВР, предусматривающее пробное бурение и разработку месторождений, состоялось 7 января 1922 года. Американская компания получала в концессию на территории Северного Сахалина участки земли размером до 1000 кв. вёрст для добычи нефти, естественных газов и смол сроком на 36 лет [6, с. 722.]

16 августа 1923 года Советское правительство заключило с компанией «Синклер» дополнительное соглашение, которое вносило в тексты

договоров от 7 января 1922 года ряд поправок с целью привести договоры в соответствие с новой обстановкой, создавшейся вследствие «преемственного перехода этих договоров к правительству РСФСР» [6, с. 723].

Так или иначе, реализация любых планов Москвы в отношении Северного Сахалина была возможна только после полного урегулирования конфликта с Токио. 14 мая 1924 года в Пекине начались официальные переговоры. Главной задачей Пекинской конференции (14.05.1924–20.01.1925) было восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией и освобождение Северного Сахалина. Вначале переговоры проходили успешно и быстро. Твёрдость заместителя наркома иностранных дел Л. М. Карахана, ведшего переговоры, его умение доказать и убедить японскую сторону в реальности советских предложений сразу принесли ощутимую пользу. В вопросе эвакуации войск из Северного Сахалина Карахан настаивал на том, чтобы японцы приступили к ней немедленно по подписанию соглашения и закончили её в двухнедельный срок. Японский посол в Китае Иосидзава не возражал против такой формулировки, но высказал сомнение относительно двухнедельного срока. В вопросе о долгах Карахан добился отказа от компенсаций концессиями или в какой-либо другой форме. Японцы согласились отложить решение вопроса на будущее время.

Как следует из документов, главные разногласия возникли о сроках эвакуации японских войск с советского Сахалина и условиях концессионного договора на эксплуатацию японцами нефтяных источников на Северном Сахалине. К тому же переговоры осложнялись внутривнутриполитической борьбой в самой Японии, в результате которой японское правительство не могло дать чётких инструкций своему представителю на переговорах. После восьми заседаний к 23 мая 1924 г. уже были выработаны основные принципы проекта соглашения между СССР и Японией из 9 пунктов. Но дальше переговоры затормозились.

В начале июня японцы совершенно неожиданно расширили рамки своих требований о долгах и концессиях. В них уже выдвигался ряд новых требований к Советскому Союзу, причём некоторые положения оказались отступлением от ранее согласованных статей. Японская делегация вновь потребовала, чтобы советское правительство признало себя виновным за николаевские события. Она не хотела так же фиксировать определённые сроки эвакуации Северного Сахалина и заявила о предоставлении концессий сроком на 99 лет [11, с. 248].

Переговоры снова вступили в критическую стадию, грозя прерваться. С 7 по 16 июня 1924 г. не было проведено ни одного заседания. 16 июня Иосидзава проинформировал Л.М. Карахана о том, что едет в Токио с докладом на две недели. Он заявил, что его задача заключается в том, чтобы убедить правительство в необходимости пойти навстречу русским и не настаивать на формулировках новых инструкций. Иосидзава указал четыре пункта, по которым собирался вести разговор в Токио: о концессиях, долгах, сроках эвакуации японских войск Северного Сахалина и обмене ратификационными грамотами.

12 июля 1924 г. Иосидзава по поручению правительства выехал с группой специалистов на Северный Сахалин для того, чтобы на месте познакомиться с расположением нефтяных месторождений и их состоянием. На основании его информации была выработана позиция японской делегации в отношении нефтяных концессий.

4 августа 1924 г. в Пекине переговоры были продолжены. Л.М. Карахану был передан японский проект «Конвенции, охватывающей основные принципы отношений между Японией и СССР» [11, с. 255–261]. Новый проект обсуждался на пяти заседаниях, каждое из которых длилось по 3-4 часа.

В двадцатых числах октября 1924 г. переговоры заморозила японская сторона, которая в течение двух недель ждала инструкции из Токио. Дальнейший ход переговоров в январе 1925 г. показал, что японская сторона стала сговорчивее, появились признаки их желания подписать соглашение.

Можно предположить, что Токио, оценив потенциал Северного Сахалина и условия предлагаемых СССР концессий, принял решение пойти навстречу Москве во избежание возможного вмешательства США в спор. Права компании «Синклер» на Северный Сахалин были аннулированы во благо успешного проведения советско-японских переговоров об установлении дипломатических отношений в 1924–1925 гг., на том основании, что «США пока не признавали Советского Союза» [16, с. 68].

20 января 1925 г. была подписана «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». Она устанавливала дипломатические, консульские и торговые отношения между двумя странами. Правительство СССР выражало готовность предоставить японским подданным и компаниям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории СССР. В ней было точно указано, что эвакуация японских войск с Северного Сахалина будет закончена к 15 мая 1925 года. Протокол «Б» был специально посвящён вопросу о концессиях и предусматривал предоставление японцам концессий на эксплуатацию 50 % площади каждого из нефтяных месторождений на Северном Сахалине, упомянутых в японском меморандуме. Предоставлялись концессии и на угольные месторождения на условиях, предложенных Советским Союзом [11, с. 70–77].

Данные события можно рассматривать как важный этап в истории развития Дальнего Востока России по нескольким причинам: во-первых, Японией, как одним из ведущих членов мирового сообщества, была признана легитимная власть России и основные границы региона, которые сохранились и на текущий момент; во-вторых, был отработан механизм политического и экономического взаимодействия; в-третьих, важным представляется изучения опыта существования Дальнего Востока как де-юре самостоятельного субъекта международных отношений, как в позитивном, так и в негативном плане; в-четвёртых, опыт разрешения территориальных споров через экономические механизмы, создающий взаимовыгодные условия эксплуатации спорной территории и привлекающий внимание международного бизнеса к экономическому развитию данных регионов и привлечения в них зарубежных инвестиций, что позволяет подтолкнуть стороны конфликта к преодолению стагнации и поиску компромисса, можно использовать для поиска пути разрешения современных территориальных споров в Северо-Восточной Азии, которые представляют угрозу стабильному экономическому и политическому развитию данного весьма значимого для России региона. Исходя из этого, мы планируем дальнейшие исследования данной тематики.

Литература

1. Абе Сатоси. Основание и деятельность Кита Карафуто Секию Кабусики Кайся. Университет Хамамацу, 1994.
2. Владиво-Ниппо (яп. Урадзю-Ниппо)

3. Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность / Л. Н. Гарусова. Владивосток: ВГУЭС, 2001. 178 с.
4. Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией: (февраль 1920 – ноябрь 1922 г.). Документы и материалы. В 2-х частях. Ч. 2. Ноябрь 1920 – ноябрь 1922 г. Владивосток: Дальнаука, 1993. 328 с.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 2. М.: Политиздат 1958, 702 с.
6. Документы внешней политики СССР М.: Госполитиздат, 1961. Т. 5, 786 с.
7. Елизарьев В.Н. История Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях. Книга третья. Южно-Сахалинск: изд-во «Лукоморье», 2006.
8. Емельянов К.А. Люди в аду: (к 20-летию гибели Николаевска-на-Амуре с предисл. Я. Ловича): Учеб. пособие/ Предисл., комментарий, перевод с англ. Э.М. Люри-Визвел. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2004.
9. Лопачев А.М. Освобождение северного Сахалина: Борьба советской дипломатии за освобождение Северного Сахалина (1920–1925) Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 1989. 111 с.
10. Москва-Токио: политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 годы: сборник документов: в 2 кн./ отв. ред. Г.Н.Севостьянов; Ин-т всеобщей истории РАН; Инс-т рос. Истории РАН. М.: Наука, 2007. Кн. 1: 1921–1925, 757 с. Кн. 2: 1926–1931, 460 с.
11. Мураками Такаси. Северо-Сахалинская нефтяная концессия (1925–1944). Саппоро: Университет Хоккайдо, 2004. 430 с.
12. Павлович (Вельтман) М.П. РСФСР в империалистическом окружении. Японский империализм на Дальнем Востоке, М., «Красная новь», 1923, 146 с.
13. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) Новосибирск: Наука, 1983. 353 с.
14. Фудзимото В. Пекинская конференция 1925 года и общественное мнение.//Материалы XXI российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сборник статей. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 40–56.
15. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003. 384 с.
16. Шалкус Г.А. История становления и развития нефтяной промышленности на Сахалине (1879–1945 гг.): дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук по спец. 07.00.02 – отечественная история / Г.А. Шалкус; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток, 2004.
17. Stephan, John J. The Russian Far East. A history / John J. Stephan. Stanford, California: Stanford University Press, 1994. 481 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abe Satoshi. Osnovanie i deyatel'nost' Kita Karafuto Sekiyu Kabusiki Kajsya. Universitet KHamamatsu, 1994.
2. Vladivo-Nippo (яп. Uradzio-Nippo)
3. Garusova L.N. Rossijsko-amerikanskije regional'nye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost' / L. N. Garusova. Vladivostok: VGUEHS, 2001. 178 s.
4. Dal'nevostochnaya respublika: Stanovlenie. Bor'ba s interventsiej: (fevral' 1920 – noyabr' 1922 g.). Dokumenty i materialy. V 2-kh chastyakh. CH. 2. Noyabr' 1920 – noyabr' 1922 g. Vladivostok: Dal'nauka, 1993. 328 s.
5. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 2. M.: Politizdat 1958, 702 s.
6. Dokumenty vneshnej politiki SSSR M.: Gospolitizdat, 1961. T. 5, 786 s.

7. Elizar'ev V.N. Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov v rossijsko-yaponskikh otnosheniyakh. Kniga tret'ya. YUzhno-Sakhalinsk: izd-vo «Lukomor'e», 2006.
8. Emel'yanov K.A. Lyudi v adu: (k 20-letiyu gibeli Nikolaevska-na-Amure s predisl. YA. Lovicha): Ucheb. posobie/ Predisl., komentarij, perevod s angl. EH.M. Lyuri-Vizvel. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2004.
9. Lopachev A.M. Osvobozhdenie severnogo Sakhalina: Bor'ba sovetskoj diplomatii za osvobozhdenie Severnogo Sakhalina (1920–1925) YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izd-vo, 1989. 111 s.
10. Moskva-Tokio: politika i diplomatiya Kremlya. 1921–1931 gody: sbornik dokumentov: v 2 kn./ otv. red. G.N.Sevost'yanov; In-t vseobshhej istorii RAN; Ins-t ros. Istorii RAN. M.: Nauka, 2007. Kn. 1: 1921–1925, 757 s. Kn. 2: 1926–1931, 460 s.
11. Murakami Takasi. Severo-Sakhalinskaya neftyanaya kontsessiya (1925–1944). Sapporo: Universitet KHokkajdo, 2004. 430 s.
12. Pavlovich (Vel'tman) M.P. RSFSR v imperialisticheskom okruzenii. YAponskij imperializm na Dal'nem Vostoke, M., «Krasnaya nov», 1923, 146 s.
13. Svetachev M.I. Imperialisticheskaya interventsija v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.) Novosibirsk: Nauka, 1983. 353 s.
14. Fudzimoto V. Pekinskaya konferentsiya 1925 goda i obshhestvennoe mnenie.//Materialy XXI rossijsko-yaponskogo simpoziuma istorikov i ehkonomistov DVO RAN i rajona Kansaj (YAponiya): sbornik statej. Vladivostok: Dal'nauka, 2007. S. 40–56.
15. CHerevko K.E. Serp i molot protiv samurajskogo mecha. M.: Veche, 2003. 384 s.
16. SHalkus G.A. Istoriya stanovleniya i razvitiya neftyanoj promyshlennosti na Sakhaline (1879–1945 gg.): dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk po spets. 07.00.02 – otechestvennaya istoriya / G.A. SHalkus; Institut istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. Vladivostok, 2004.
17. Stephan, John J. The Russian Far East. A history / John J. Stephan. Stanford, California: Stanford University Press, 1994. 481 p.